

§ 2. Конституция СССР 1977 г. и положение в стране в годы позднего “развитого социализма”. 1977-1985 г.

Третья Конституция СССР

Изменения в государственно-политическом руководстве в последние годы правления Брежнева

Поиски путей упрочения социализма при Андропове и Черненко

Экономика в 1976-1985 г.

Социальная сфера

Третья Конституция СССР

Новый Основной Закон, часто называвшийся “Конституцией развитого социализма”, принят 7 октября. По жестокой иронии Истории, завершение разработки и введение его в действие пришлось на время, когда социализм утратил способности к динамичному развитию. Работа над проектом закона заняла долгие годы. Первый проект, который призван был заменить Конституцию 1936 г., готовился и обсуждался вскоре после Великой Отечественной войны, новые комиссии создавались на XIX и XX съездах партии. Однако до принятия новой Конституции дело тогда не дошло. На XXII съезде КПСС в 1961 г. руководство партии в очередной раз решило разработать новую Конституцию, которая, как подчеркивал Н. С. Хрущев, “должна быть приведена в соответствие с третьей Программой партии и законодательно закрепить новые формы общественного и государственного устройства нашей страны, соответствующие периоду развернутого строительства коммунистического общества”.

В апреле 1962 г. Верховный Совет СССР утвердил состав Конституционной комиссии во главе с Хрущевым. В своей работе она исходила из того, что новая Конституция должна обозначить основные черты “периода развернутого коммунистического строительства”, показать преимущества нового общественного строя. Одним из ключевых положений нового Основного Закона должен был стать вывод о “перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство” и преобразование в этой связи Советов депутатов трудящихся в Советы народных депутатов.

Главным направлением развития политической системы было названо “развертывание общенародной демократии, выражающееся в невиданном росте активности и самостоятельности масс в управлении государством и народным хозяйством, в передаче некоторых функций государственных органов общественным организациям, в усилении общественных начал в деятельности государственных органов”. Одновременно предлагалось конституционно закрепить положение о руководящей и направляющей

роли КПСС в советском обществе. Выдвигались даже предложения записать в Основном Законе, что высшая власть в стране принадлежит коммунистической партии, а фактическое руководство политической и хозяйственной деятельностью в республиках — Центральным Комитетам компартий и первым их секретарям.

С отставкой Хрущева и ревизией курса на непосредственное строительство коммунизма направление дальнейшей работы над проектом Конституции, естественно, изменилось. Работа над проектом Конституции возобновилась в соответствии с указаниями XXV съезда партии (февраль-март 1976 г.). К этому времени либеральные и технократические тенденции в руководстве страной были прерваны, окончательно возобладала доктрина партийности, формировался жесткий внешнеполитический курс, опиравшийся на развитие военно-промышленного комплекса, были ярко выражены персонализация власти и укрепление позиций партийно-государственной бюрократии. Одновременно пропагандировались тезисы об упрочении ведущей роли рабочего класса, о возрастании социальной однородности общества, расширении прав и свобод граждан (следствие подписания Хельсинкского заключительного акта 1975 г.), растущем демократизме, об участии почти каждого взрослого человека в управлении делами своего государства. Все эти противоречия находили отражение в новом проекте Конституции, авторы которого были вынуждены подчас соединять несоединимое.

Завершенный проект Конституции в мае 1977 г. был одобрен пленумом ЦК и вынесен на обсуждение общественности. 7 октября на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета девятого созыва Конституция была принята. В ней подчеркивалась преемственность идей и принципов с предшествующими ей Конституциями 1918, 1924 и 1936 гг.

Конституция состояла из преамбулы и девяти разделов: Основы общественного строя и политики; Государство и личность; Национально-государственное устройство; Советы народных депутатов и порядок их избрания; Высшие органы власти и управления; Основы построения органов государственной власти и управления союзных республик; Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор; Герб, флаг, гимн и столица; Действие Конституции и порядок ее применения.

Главной новацией была преамбула, в которой констатировалось построение “развитого социализма” и создание “общенародного государства”. Таким образом, “отмирание государства” отодвигалось на неопределенный срок, а приоритетной становилась задача всестороннего укрепления законности и правопорядка. В качестве высшей цели государства называлось построение “бесклассового коммунистического общества”. Основой экономической системы Союза ССР признавалась социалистическая собственность на средства производства, основой политической системы — Советы, социальной основой — союз рабочих, крестьян и интеллигенции. В тексте Конституции появились новые разделы: о политической системе общества, социальном развитии и культуре, статусе народного депутата.

Новая глава (не имевшая аналогов в предыдущих Конституциях) трактовала вопросы внешней политики. Подчеркивалась ее направленность на обеспечение благоприятных международных условий “для построения коммунизма в СССР”; на “укрепление позиций мирового социализма; поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс”. Закреплялся принцип социалистического интернационализма в отношениях СССР с социалистическими странами и государствами, освободившимися от колониальной зависимости. На практике эти положения порой вступали в

противоречие с обязательствами соблюдения принципа суверенного равенства и прав народов распоряжаться своей судьбой, оправдывали внешнеполитическую экспансию социалистического государства.

Впервые в Основном Законе отражен действительный механизм власти в СССР. КПСС называлась “руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций” (6-я статья). Это узаконение реальной роли партии привело к монопольному контролю партийных организаций за деятельностью предприятий и учреждений. Оно резко повышало значение партийного аппарата по всей властной вертикали, превращало членство в партии в практически обязательное условие для любой служебной карьеры.

На развитие “подлинной демократии” были ориентированы новые формы “непосредственной демократии”: всенародное обсуждение и референдум; новые гражданские права на обжалование действий должностных лиц; судебную защиту от посягательства на честь и достоинство; критику действий государственных и общественных организаций. В Конституции закреплялись права на охрану здоровья, жилище; пользование достижениями культуры; на свободу творчества. Однако реализация этих прав, так же как и свободы слова, печати, собраний, упиралась во множество действовавших законов и нормативных актов, как и прежде, оставаясь зачастую неосуществимой.

Согласно Конституции, все Советы депутатов: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, краевые, областные и другие — составляли единую систему органов государственной власти. Высшим из них являлся двухпалатный Верховный Совет СССР, состоящий из Совета Союза и Совета Национальностей. Он правомочен был решать важнейшие государственные вопросы: принятие, изменение общесоюзной Конституции, включение в состав Союза новых республик, утверждение государственных бюджетов, планов социального и экономического развития. В перерывах между сессиями ВС СССР его функции выполнял Президиум. Повседневная управленческая деятельность осуществлялась при помощи системы государственного управления, которую возглавлял Совет министров СССР. Конституция также закрепила усилившуюся экономическую и политическую роль союзного центра за счет соответствующих прав республик.

Новый Основной Закон сохранял положения Конституции 1936 г. о национально-государственном устройстве. Многочисленные предложения, направленные на устранение иерархии национальных образований (и народов) внутри Союза ССР путем возвращения к традиционному, дореволюционному территориальному принципу административного деления страны, выравнивания статуса республик, перевода отдельных республик из автономных в союзные, в расчет не были приняты. В то же время само определение Союза ССР как “единого союзного многонационального государства” (ст. 69) свидетельствовало о стремлении усилить федеральные централистские начала. В противоречии с этим находилось закрепленное Конституцией за каждой союзной республикой “право свободного выхода из СССР” (ст. 71), подчеркивание ее суверенности (ст. 75, 80).

Конституция различала среди советских народов “нации и народности”, но не давала никаких критериев для такого различения. Это было причиной глухого недовольства среди народов, относимых ко “второму сорту”. Конституционные положения, относящиеся к сфере и регулированию национальных отношений, оставались во многом

противоречивыми и мало способствовали реальному упрочению государственного единства “новой исторической общности” и сплочению народов стран “в целях совместного строительства коммунизма” (ст. 69).

Таким образом, Конституция СССР 1977 г. окончательно оформила консервативный курс брежневской внутренней и внешней политики, узаконила жесткий идеологический контроль партии над обществом, законсервировала взрывоопасные противоречия в национальном вопросе.

Изменения в государственно-политическом руководстве в последние годы правления Брежнева

Следствием отказа от экономических методов управления стала централизация, бюрократизация и разбухание управленческого аппарата. К 1985 г. общая численность управленцев в стране приблизилась к 18 млн человек: на каждых 6-7 работающих приходился один руководитель. Наиболее значительный бюрократический слой (11,5 млн) составлял низовой аппарат предприятий и организаций. На содержание бюрократических структур ежегодно расходовалось до 10% госбюджета. Подчеркивание неуклонного возрастания роли КПСС сопровождалось ее численным ростом. К середине 1980-х годов в ней насчитывалось 19 млн человек. Соответственно расширялся и партийный аппарат. В 1982 г. партийная структура включала 14 ЦК компартий союзных республик, 6 крайкомов, 150 обкомов, 2 горкома, приравненных к обкомам (Московский, Киевский), 10 окружкомов, 872 горкома, 631 городской райком, 2885 сельских райкомов, 419,7 тыс. первичных партийных организаций. Таким образом, одних только первых лиц в партийной иерархии в начале 1980-х годов набиралось (если не считать первичные парторганизации, 80% которых состояли из 3-45 членов партии) 4570 человек. Однако продвижение вверх уже не было, как раньше, связано с обязательным восхождением по партийной лестнице. Высшая элита страны с 1970-х годов начинает все больше воспроизводить себя не за счет выдвиженцев снизу, а путем отбора и подготовки кадров в элитных школах. Таковыми были Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа, Высшая школа профдвижения, Высшая комсомольская школа, Дипломатическая академия, Институт международных отношений.

Вместе с тем в настоящие бастионы бюрократии превращались министерства и ведомства. К 1985 г. союзный аппарат органов управления министерств и ведомств насчитывал 107 тыс. человек, республиканский 140 тыс., число работников министерств АССР, краевых, областных управлений и отделов составляло 280 тыс. человек. С 1965 г.

министерства были абсолютными монополистами в своей отрасли. Они распоряжались всеми ресурсами, непосредственно руководили предприятиями и организациями по всей стране. Переход к строительству предприятий-гигантов практически во всех отраслях привел к расширению влияния их руководителей. С директорами крупнейших предприятий и производственных объединений считались подчас куда больше, чем с местными партийными и советскими руководителями.

Главной опорой верховной власти в годы брежневского генсекства стал ЦК КПСС и особенно его аппарат. Если во второй половине 1960-х годов основные решения принимались на пленумах, то в последующем центр властных полномочий все больше смещался в отделы ЦК.

Общая численность ответственных сотрудников аппарата ЦК достигала 1500 человек. Пленумы ЦК и съезды партии, хотя и собирались регулярно, стали все больше носить формальный характер, лишь “одобряя” подготовленные аппаратом решения. Механизм пополнения аппарата ЦК и самого Центрального Комитета к концу 1970-х годов отлажен до “совершенства”. В определенных пропорциях соблюдалось представительство в аппарате республиканских партийных организаций, краев и областей, ВПК, науки и искусства, правоохранительных органов. В ЦК и его аппарате отражались интересы всех властных структур. Такая ситуация стала благоприятной для лоббирования интересов регионов и отраслей. Большой “пробивной” способностью отличались лоббисты военно-промышленного и аграрно-промышленного комплексов, росло значение “мусульманских” местных и центральной элит со свойственной им повышенной корпоративной сплоченностью.

Высший уровень власти в стране представляли около тысячи человек в Москве и около 3 тыс. по всему Советскому Союзу. В это число входили руководители аппарата ЦК КПСС, Совмина СССР, крупнейших министерств (обороны, внутренних дел, МИДа), секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. В него включались министры, заместители министров, члены коллегии министерств и союзных ведомств, высшие представители советского аппарата, армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, являвшиеся членами и кандидатами в члены ЦК и ЦКК КПСС. На местах к этому перечню добавляются заведующие отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, директора крупнейших промышленных предприятий, командующие военными округами и крупными воинскими частями, начальники управлений КГБ.

Высшее руководство страны к концу 1970-х годов выродилось в настоящую геронтократию. Средний возраст входящих в Политбюро (21-22 члена и кандидата в члены), секретарей ЦК (10-11) за 1971-1981 гг. возрос с 60 до 68 лет. “Коллективное руководство” проявляло исключительное внимание к здоровью друг друга. 24 марта 1983 г. было принято специальное решение об ограничении времени работы членов и кандидатов в члены Политбюро старше 65 лет. Увеличивалась продолжительность отпуска, один день в неделю они могли работать в домашних условиях. Брежнев около 6 последних лет имел 3 выходных дня в неделю; врачи требовали для него еще один выходной. По этой причине заседания Политбюро, принимавшие важнейшие политические решения, зачастую длились не более 15-20 мин.

Установленные при позднем Брежневе порядки сохранились до 1985 г. “Можно по-всякому смотреть на возрастной состав Политбюро, говорил Ю. В. Андропов (1983). — Здесь концентрация политического опыта нашей партии, и поэтому спешная,

непродуманная замена людей далеко не всегда может быть на пользу дела”. С заменой действительно не спешили. В 1978 г. вместо скончавшегося Ф. Д. Кулакова секретарем ЦК по сельскому хозяйству избрали М. С. Горбачева, первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Новым кандидатом в члены Политбюро в марте 1976 г. стал Г. А. Алиев, первый секретарь ЦК КП Азербайджана, затем (с ноября 1978 г.) Э. А. Шеварднадзе, первый секретарь ЦК КП Грузии. Погибшего в октябре 1980 г. в автомобильной катастрофе П. М. Машерова на посту кандидата в члены Политбюро заменил новый первый секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Я. Киселев, скончавшийся в 1983 г. К руководству КГБ был выдвинут В. В. Федорчук (май 1982 г.).

Подчеркивая свою значимость, представители старой гвардии в Политбюро охотно награждали себя всевозможными премиями, орденами и медалями. Л. И. Брежнев с 1981 г. стал рекордсменом по обладанию “золотыми звездами” Героя. Три брошюры воспоминаний генсека (“Целина”, “Малая земля”, “Возрождение”), подготовленные с помощью профессиональных журналистов, отмечены Ленинской премией по литературе (1979). После перенесенного инсульта речь Брежнева оставалась до конца не восстановленной, однако он регулярно появлялся на телеэкранах буквально до последних дней жизни.

Вопрос о своем преемнике Брежнев склонялся решить в пользу К. У. Черненко. В качестве резервной фигуры рассматривался первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий. По свидетельству В. В. Гришина, незадолго до смерти Брежнев “хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии”. В этом случае история пошла бы иным путем.

“Застой” развитого социализма стал временем расцвета номенклатурных привилегий, которые по-прежнему включали госдачи, спецпайки, спецлечение, спецтранспорт и т. п. Однако все эти атрибуты “власти-собственности” нельзя было перевести в личную собственность и передать детям. Стремление к обеспечению безбедного существования родных и наследников в условиях безопасности от преследований для номенклатуры, установленной при Брежневе, привело к тому, что в значительной части она не считала обязанной жить по “моральному кодексу строителей коммунизма”.

Ординарным явлением становится злоупотребление служебным положением, стремление пристроить родственников к “хлебной” должности, в элитарный вуз и пр. Было, например, образовано надуманное Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства, которое возглавил свояк Брежнева. Сын Брежнева без должных на то оснований стал первым заместителем министра внешней торговли (в 1983 г. освобожден от должности). Зять Брежнева стал заместителем министра МВД. Сын Андропова с 1979 г. успешно делал карьеру в МИД, в 1984 г. стал послом в Греции.

Наиболее коррумпированными в годы позднего “развитого социализма” были среднеазиатские республики, где дача взяток чиновникам составляла целую систему. Началось сращивание партийного и государственного аппарата с теневой экономикой. Масштабы последней приобретали все более угрожающий характер. По позднейшим оценкам, в середине 1970-х годов дельцы теневой экономики отчуждали себе примерно седьмую часть доходов трудящихся, к началу 1980-х годов — 18%, к 1985 г. — 21%, а в 1989 г. — 25%. В стране множились бригады “шабашников”, строивших дачи и целые поселки. Легальными школами капитализма были молодежно-жилищные кооперативы

(МЖК), создававшиеся с 1971 г. для обеспечения молодых семей квартирами на основе хозрасчета. К середине 1980-х годов только в Москве действовали 52 МЖК.

Комсомольцы, “выбивая” фонды, стройматериалы, кредиты, становились предпринимателями. Впоследствии на базе МЖК выросли строительные фирмы, банки.

Все это происходило на фоне навязчивой псевдокоммунистической пропаганды, непрерывных праздников и награждений по случаю разных годовщин, юбилеев и успехов в “совершенствовании” развитого социализма. В то же время созданный десятилетиями производственный механизм страны продолжал действовать, улучшая условия жизни сотням миллионам людей.

Поиски путей упрочения социализма при Андропове и Черненко

12 ноября 1982 г., через два дня после смерти Л. И. Брежнева, пленум ЦК партии избрал Генеральным секретарем ЦК Ю. В. Андропова. Ему было 68 лет. С июня 1967 г. он был председателем КГБ, а после смерти М. А. Суслова в феврале 1982 г. — главным идеологом партии. Нетерпимость к инакомыслию, приверженность авторитарному стилю, репутация просвещенного партократа, личная скромность — все эти качества перевесили шансы других претендентов на высший пост. Как нельзя лучше они отвечали и ожиданиям “простого народа”: навести порядок в стране, укоротить привилегии, пресечь мздоимство, повести борьбу с “теневиками”. Первые шаги Андропова-генсека не обманули ожиданий. “Хотя нельзя все сводить к дисциплине, — заявил он в декабре 1982 г., — но начинать надо именно с нее”. Одновременно было дано указание готовить серьезные меры в сфере экономики. Ученые-обществоведы, привлеченные к подготовке под руководством генсека стратегической статьи, были озадачены идеей о том, как “провести в старане нэп без нэпманов”. В 1983 г. начался широкомасштабный экономический эксперимент в трех республиканских и двух союзных министерствах (Минтяжмаше и Минэлектропроме).

С начала 1983 г. сотрудники КГБ занялись выявлением нарушителей трудовой дисциплины. Рейдами по магазинам, кинотеатрам, баням и т. п. выявлялись и наказывались те, кому в это время полагалось находиться на работе. Одновременно был дан ход громким делам о коррупции, объявлена борьба с нетрудовыми доходами, спекуляцией. Большой масштаб приобрела борьба со злоупотреблениями в торговле. Отдан был под суд и расстрелян начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома; следом за ним заключены под стражу 25 ответственных работников московского Главторга, директора крупнейших московских гастрономов,

автомобильного магазина. Потеснены были позиции “хлопковой мафии” в Узбекистане; добрались до первого секретаря Краснодарского обкома КПСС С. Ф. Медунова, министра МВД Н. А. Щелокова и его заместителя Ю. М. Чурбанова, крупно замешанных в коррупции. За короткое время правления Андропова в Москве сменено более 30% партийных руководителей, на Украине — 34, в Казахстане — 32%.

Страна с напряженным вниманием следила за информационным нововведением, предвосхитившим будущую “гласность”. Каждую неделю газеты публиковали сообщение “В Политбюро ЦК КПСС”. Опираясь прежде всего на Д. Ф. Устинова и А. А. Громыко, Андропов “омолодил” Политбюро и Секретариат ЦК. В Политбюро введены Г. А. Алиев, ставший первым заместителем председателя правительства СССР Н. А. Тихонова; В. И. Воротников (председатель Совмина РСФСР с июня 1983 г.); М. С. Соломенцев (председатель Совмина РСФСР до июня 1983 г., позже председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС с июля 1983 г.). Новым кандидатом в члены Политбюро стал В. М. Чебриков (председатель КГБ с декабря 1982 г.). Новыми секретарями ЦК избраны Н. И. Рыжков (заведующий экономическим отделом ЦК); член Политбюро Г. В. Романов (первый секретарь Ленинградского обкома партии, отвечающий в Политбюро за координацию работы предприятий ВПК); Е. К. Лигачев (заведующий отделом оргпартабботы ЦК).

Большое оживление в общественном мнении вызвала статья Андропова “Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР” (Коммунист. 1983. № 3). Генсек предостерегал “от возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма”. Признание противоречий и трудностей “развитого социализма” и фраза Андропова “мы не знаем общества, в котором живем”, воспринимались как необходимая предпосылка для дальнейшего самопознания и возможного реформирования советского общества. Однако “возрождение коммунистического фундаментализма” оказалось недолгим. 9 февраля 1984 г. Ю. В. Андропов, страдавший неизлечимой болезнью почек, скончался.

Некоторое наведение порядка, дисциплины и другие мероприятия, связанные с его именем, дали заметный экономический эффект. По официальным данным, темпы роста экономики в 1983 г. составили 4,2% (против 3,1 — в 1982 г.); национальный доход вырос на 3,1; промышленное производство — на 4; производство сельскохозяйственной продукции — на 6%.

Андропова на посту генерального секретаря ЦК и председателя Президиума Верховного Совета СССР сменил давний соратник Брежнева К. У. Черненко. Ему в тот момент было 73 года, и у него была тяжелая форма астмы. С 1948 по 1956 г. он работал в Молдавии, там попал в “команду” Брежнева и следовал за ним в ЦК, Верховный Совет; в 1965 был назначен заведующим Общим отделом ЦК, в 1978 стал членом Политбюро. Черненко считался преемником своего друга Брежнева, и после смерти Андропова старшее поколение в Политбюро захотело именно его видеть на посту генерального секретаря.

Приход Черненко к власти сразу же обернулся отказом от андроповских новаций. Выразилось это, в частности, в том, что на прежние должности были возвращены около 50 ответственных работников ЦК, снятых при Андропове. Новых назначений в Политбюро и Секретариат ЦК не произошло, но на второе место в руководстве вместо Н. А. Тихонова был выдвинут М. С. Горбачев. Борьба за дисциплину была свернута, нити дел о коррупции оборваны на уровне среднего управленческого звена.

Представители партийной и государственной элиты вновь оказались вне всяких подозрений. На время самыми важными стали разговоры о новой Программе КПСС и дискуссия о “стадии развития общества”, которую предлагалось теперь именовать не развитым, а развивающимся социализмом. Черненко полагал, что таким образом начиналась работа, придающая “мощное ускорение развитию народного хозяйства”.

Знаковым для периода нахождения у власти Черненко стало восстановление в партии Молотова (июнь 1984 г.). Просталинское настроение старой генерации Политбюро при этом было отчетливо выражено Устиновым, предлагавшим восстановить в партии и Маленкова с Кагановичем. По его словам, “ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина”. Однако В. М. Чебриков напомнил о резолюциях на списках репрессированных и о потоке писем с возмущениями, которые следует ожидать в случае восстановления. Неизвестно, как разрешился бы этот вопрос, поскольку “ренессанс” позднего “брежневизма” вскоре закончился. 20 декабря 1984 г. скончался Д. Ф. Устинов, 10 марта 1985 г. — К. У. Черненко. Вскоре в стране началась “перестройка”, метко названная впоследствии “благородной по замыслу, смутной по концепции и бездарной по исполнению” (Г. Мирский).

Экономика в 1976-1985 г.

Решениями XXV съезда КПСС намечалось увеличить в 10-й пятилетке (1976-1980) производство промышленной продукции на 35-39%, продукции сельского хозяйства — на 14-17%. Согласно директивам XXVI съезда партии (февраль-март 1981 г.) в 11-й пятилетке (1981-1985) производство промышленной продукции должно было увеличиться на 26-28%, сельскохозяйственной — на 12-14%. Однако неспособность руководства переломить негативные тенденции в народном хозяйстве обусловили опережающее снижение темпов экономического развития. В годы 10-й пятилетки удалось увеличить (по сравнению с предыдущим пятилетием) объем промышленной продукции на 24%, в 11-й — на 20%. Производство сельскохозяйственной продукции за 10-ю пятилетку увеличилось на 8,8%, за 11-ю — на 5,8%.

Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в 10-й пятилетке снизились до 4,4, в 11-й — до 3,6%. Соответствующие показатели среднегодовых приростов сельскохозяйственной продукции составляли 1,7 и 1%. Аналогично снижались и показатели роста производительности общественного труда. Плановые задания по увеличению валовой продукции промышленности в 10-й пятилетке удалось выполнить на 67%, в 11-й — на 77%; по увеличению продукции сельского хозяйства и того меньше

— соответственно на 56 и 42%.

Задания 11-й и 12-й пятилеток не были выполнены ни по одному показателю. Тем не менее развитие страны имело поступательный характер. Темпы роста национального дохода (вновь созданная стоимость во всех отраслях сферы материального производства) на протяжении всех 1970-х годов сохранялись на уровне 4,9% ежегодного прироста и даже в самую “застойную” 11-ю пятилетку (1981-1985) обеспечивался ежегодный прирост в среднем на 3,2% в год (в 1986-1990 гг. он снизился до 1,3%). Эти показатели были не намного ниже, чем в большинстве развитых стран. Что же касается общего промышленного производства, то с 1970 по 1988 г. оно возросло в СССР в 2,38 раза против 1,32 раза в Англии, 1,33 в ФРГ, 1,48 во Франции, 1,68 в США, в 2 раза в Японии.

В годы 10-й пятилетки в СССР было построено 1,3 тыс. промышленных предприятий, в РСФСР — 0,8 тыс., в 11-й, соответственно 1,2 тыс. и 0,7 тыс. Продолжалось ускоренное развитие Западно-Сибирского ТПК. Добыча нефти Западной Сибири в 1984 г. выросла до 377,9 млн тонн (в 12 раз больше, чем в 1970 г.). В 1980-е годы Западная Сибирь стала давать более 10% мирового объема добычи нефти и газа. (Тюменская область остается лидером по добыче нефти и газа и в начале XXI в. В 2002 г. здесь добывалось 67% нефти и 90,8% газа Российской Федерации.) В 1979 г. был построен магистральный газопровод “Союз” (2750 км), в 1980-м — газопровод Нижневартовск-Юрга-Новосибирск. В 1983 г. завершено строительство самого протяженного в мире (более 3100 км) нефтепровода Сургут-Омск-Павлодар-Чимкент, в 1984 г. — магистрального газопровода Уренгой-Помары-Ужгород (4451 км). На базе Усть-Илимской ГЭС (введена в эксплуатацию в 1980 г.) был создан Братско-Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, а на базе Саяно-Шушенской ГЭС (1985) — Саянский ТПК по обработке цветных металлов.

В 1976 г. был введен в эксплуатацию Камский автомобильный завод и Оскольский электрометаллургический комбинат, в декабре 1978 г. вошла в строй первая очередь огромного Волгодонского завода тяжелого машиностроения (Атоммаш). Именно здесь начиналось поточное производство различных типов ядерных реакторов для АЭС. В строй действующих вступили Смоленская (1982) и Балаковская (1985) атомные электростанции, первая очередь Калининской АЭС (1986). В декабре 1980 г. осуществлен пуск первого агрегата Чебоксарской ГЭС — завершающей ступени Волжского гидроэнергетического каскада. В том же году введен в строй последний, 9-й агрегат Нурекской ГЭС (строилась с 1961 г., 1-й агрегат пущен в 1972 г.). Эта ГЭС с высотой плотины 300 м (до сих пор самая высокая в мире) обеспечивает около трех четвертей всей выработки электроэнергии в Таджикистане. В 1981 г. построен Томский химический комбинат, в 1982 г. — Ачинский нефтеперерабатывающий завод и первая очередь Костомукшского горно-обогатительного комбината. В 1987 г. был уложен первый бетон в здание Бурейской ГЭС (подготовительные работы по строительству велись с 1978 г., 1-й агрегат запущен в июле 2003 г., 6-й — в октябре 2007-го, в 2009 г. станция доводится до проектной мощности 2010 МВт). Однако наряду с работами на этих стройках сооружались дорогостоящие, бесперспективные и экологически небезупречные Астраханский газокон-денсатный комбинат, газохимический комплекс Тенгизполимер, канал Волга-Чограй в Калмыкии.

Национальное богатство России в 1970-1980 гг. прирастало в среднем на 7,5% в год против 10,5% ежегодного прироста в 1960-е годы. В целом брежневский, андроповский

ичерненковский периоды (1964-1985) характеризуются ежегодным приумножением национального богатства на 6,5%, и лишь в горбачевский период этот показатель снизился до 4,2% в год. Рост валового внутреннего продукта России в эти годы характеризуется следующими данными. В 1985 г. его объем составлял 3494 млрд рублей и был в 2,9 раза больше, чем в 1964 г., и в 1,4 раза больше, чем в 1977 г.

СССР располагал мощной многоотраслевой экономикой, обеспеченной практически всеми видами сырья, кадрами ученых, инженеров, рабочих. Произошли существенные сдвиги в решении извечной для страны транспортной проблемы. За 1960-1980-е годы произведена полная замена паровозов тепловозами, самолетов с поршневыми моторами на реактивные, речные и морские суда оснащены дизельными двигателями. В народном хозяйстве появились мощные специализированные грузовые автомобили, комфортабельные скоростные автобусы, налажено массовое производство легковых автомобилей (“Волга” с 1956 г., “Запорожец” с 1960 г., “Жигули” с 1970 г.), заметно расширилась и улучшилась автодорожная сеть, был создан магистральный трубопроводный транспорт. Производственный потенциал был вполне высоким и позволял вести эксперименты по переустройству экономики в нужном направлении без коренной перетряски жизни народов страны. Однако руководству СССР периода позднего “развитого социализма” эта задача оказалась не по силам.

“Наверху”, конечно, многие осознавали неблагополучие в развитии экономики. Предпринимались и попытки найти выход из положения. В 1979 г. группой аналитиков под руководством заместителя председателя Совмина академика В. А. Кириллина был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Он содержал реалистическую картину тяжелого положения советской экономики: страна начинает безнадежно отставать в использовании передовых технологий, а нарастающие финансово-экономические проблемы нельзя решить без радикального, структурного реформирования экономики. Предложения аналитиков, как и все более ранние проекты реформ в экономике, были так или иначе связаны с представлениями о необходимости расширения роли элементов рыночных отношений в социалистической экономике.

Однако доклад вызвал лишь раздражение и недовольство большинства членов Политбюро. Кириллин был снят с работы, доклад засекречен. Это, по всей видимости, стало одной из причин обострения болезни А. Н. Косыгина. В конце 1970-х годов он перенес инфаркт, в октябре 1980 г. освобожден от работы, и вскоре, в декабре, скончался от сердечного приступа. Назначенный 23 октября 1980 г. председателем Совмина Н. А. Тихонов к реформам относился столь же подозрительно, как и Брежнев. “Совершенствование” управления народным хозяйством пошло в ставшем к концу 1970-х годов уже привычным русле замещения экономических рычагов административными. Постановление ЦК от 12 июля 1979 г. “О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов” делало упор на дальнейшее повышение роли государственного плана как важнейшего инструмента государственной политики. Число обязательных плановых показателей вновь было увеличено, их содержание уточнялось в одновременно принятом постановлении “Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы”. Параллельно с этим усложнялась и дифференцировалась отраслевая структура управления экономикой.

Попытки интенсифицировать экономику посредством составления многочисленных программ автоматизации и комплексной механизации, носивших административно-бюрократический характер, оказались малоэффективными, поскольку они не влияли на зарплату и уровень жизни. Не удавались и попытки реанимировать трудовой энтузиазм. Многочисленные трудовые подвиги, вахты, встречные обязательства, работа по бездефектному методу имели мало общего с ударничеством довоенных лет и трудовым энтузиазмом послевоенной пятилетки. Они чаще всего были “инициативой” партийных органов, а не масс, и быстро угасали. Это, конечно, не исключает того, что в трудовых коллективах было немало замечательных, уважаемых мастеров своего дела и честных тружеников, служащих примером для подражания. Особым уважением пользовались Герои Социалистического Труда (20 559 граждан, награжденных в 1938-1991 гг., из них 1945 — в отраслях материального производства).

С конца 1970-х годов нарастало влияние ряда объективных факторов, препятствовавших развитию экономики экстенсивными методами. Осложнилась демографическая ситуация. Уменьшение рождаемости в 1960-х годах привело к сокращению притока трудовых ресурсов. Перемещение центров добывающей промышленности в восточные районы повысило себестоимость топливно-энергетического сырья. Так, добыча топлива с 1971 по 1980 г. увеличилась в СССР более чем в 4 раза, газа — более чем в 8, а нефти — почти в 7 раз. Нефть и газ были важнейшими предметами советского экспорта. Только от вывоза нефти страна получала ежегодно около 16 млрд долларов. Доля топлива и энергоносителей в общем объеме советского экспорта выросла с 15,6% в 1970 г. до 54,4% — в 1984 г. В 1960 г. почти вся нефть и газ добывались в европейской части СССР, в середине 1980-х годов две трети общесоюзной добычи нефти и газа обеспечивала Западная Сибирь. Добывать топливо в северных районах страны становилось все труднее, и в 1984 г. впервые за годы советской власти годовая добыча нефти снизилась.

За 1965-1982 гг. общая валютная выручка СССР от экспорта нефти и газа составила около 170 млрд долларов. Возникла явная зависимость страны от конъюнктуры мирового рынка. Она была довольно благоприятной для СССР в течение более десяти лет после арабо-израильской войны 1973 г. и решения арабских стран-экспортеров нефти сократить объемы ее добычи и экспорта в знак протеста против поддержки Израиля Соединенными Штатами. Цены на нефть на мировом рынке резко повысились по сравнению с 1958-1970 гг., когда она равнялась 16-13 долларов за баррель (в ценах 2004 г.). В марте 1983 г. баррель стоил 34 доллара. Падение мировых цен на нефть в середине 1980-х годов (главным образом после увеличения добычи нефти в Саудовской Аравии более чем втрое за 1985-1986 гг.) до уровня менее 10 долларов за барель в текущих ценах стало важнейшей причиной финансового и бюджетного кризиса в СССР. Годы позднего “развитого социализма” стали называть годами “застоя” прежде всего потому, что, поглощая потоки нефтедолларов, советское руководство мало что сделало для перестройки экономических механизмов.

Деревне, традиционно выступавшей донором экстенсивного развития промышленности, с годами все труднее было играть прежнюю роль. Капиталовложения в сельское хозяйство хотя и возрастали, но явно недостаточно. Молодежь продолжала уезжать в город. С 1967 по 1985 г. деревню ежегодно покидало в среднем 700 тыс. человек. Средний возраст сельских жителей неуклонно повышался.

Особенно тяжелое положение складывалось в Нечерноземье — на огромной территории исторического центра России, охватывающей 29 областей и автономных республик. Это была тяжелая расплата за непонимание того, что в “холодной стране” инвестиции в сельское хозяйство должны быть в несколько раз больше, чем в практике властей. Тем не менее реализация принятого в 1974 г. постановления “О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР” позволила построить ряд крупных производственных комплексов. Несомненным достижением стало и завершение электрификации села. Однако на развитие социальной сферы и на инфраструктуру средств выделялось значительно меньше, сельский быт продолжал оставаться примитивным и тяжелым. Продукция, проданная государству колхозниками Нечерноземья в 1980 г., после всех реформ, оставалась убыточной. По молоку убыток составлял 9%, по крупному рогатому скоту — 13%, по свиньям — 20, по птице — 14, по шерсти — 11%. Это оставалось одной из главных причин упадка сельского хозяйства.

Курс на укрупнение мелких населенных пунктов фактически обнаруживал незаинтересованность властей в развитии каждой деревни из-за высоких затрат на индивидуальное жилищное строительство, дороги, мосты, газопроводы. В результате число населенных пунктов постоянно сокращалось под предлогом неперспективности. Жизнь в отдаленных от центральных усадеб деревнях замирала. Закрывались школы, больницы, магазины, предприятия службы быта. По материалам переписей населения 1959 и 1989 гг., численность сельского населения в стране сократилась на 10%, в Нечерноземье — на 42%. Число сельских поселений в РСФСР уменьшилось за это время на 139 тыс., в Нечерноземье — на 76 тыс. Возникла и обнаружила тенденцию к росту особая категория сельских поселений, не имеющих трудоспособного населения. Традиционный и важнейший источник роста численности населения страны фактически не действовал. Исторический центр России исчезал, словно в каком-то мощном катаклизме. Политику ликвидации мелких деревень писатель В. Белов с полным основанием охарактеризовал как “преступление против крестьянства”.

В результате преобразований на селе к концу 1985 г. в стране насчитывалось 26,2 тыс. колхозов и 22,7 тыс. совхозов. В них было занято соответственно 12,7 и 12 млн человек и производились примерно равные объемы продукции сельского хозяйства (на 73,9 и 75,2 млрд рублей).

Обстановка кризиса, складывавшегося в сельском хозяйстве в условиях позднего “развитого социализма”, коренным образом отличалась от дореволюционного положения в российской деревне. Несмотря на все потрясения советского периода истории и разрушения военных лет, совокупные усилия Советской власти и крестьянства позволили увеличить к началу 1980-х годов производство сельскохозяйственной продукции по сравнению с дореволюционным уровнем в 3-4 раза, годовую производительность индивидуального труда в сельском хозяйстве более чем в 6 раз, а часовую в 10-11 раз (средняя продолжительность рабочего дня крестьянина составляла около 7 ч, а в начале века — 11). Общественная производительность труда в агропромышленном комплексе СССР с учетом худших природных условий (по биоценозу в 2,9 раза, продолжительности стойлового содержания скота в 3,4 раза и т.д.) в сущности не уступала американскому. Все это позволяло Советскому Союзу иметь общенародный продовольственный фонд, достаточный для того чтобы гарантировать своим гражданам потребление продовольствия на % большее, чем в среднем в мире.

При всем этом поиски вывода деревни из кризиса, предпринятые в конце 1970-х годов, во многом лежали в традиционном архаичном стереотипе мышления. М. С. Горбачев, ставший в 1978 г. секретарем ЦК по сельскому хозяйству, возглавил разработку очередного проекта его оздоровления под названием “Продовольственная программа СССР на период до 1990 г.” (одобрена в мае 1982 г.). Ее суть состояла в комплексном использовании всего арсенала административно-бюрократических мер для решения продовольственной проблемы в стране к 1990 г.

В основе программы лежала идея агропромышленной интеграции установления производственных связей между колхозами, совхозами, предприятиями пищевой промышленности, торговыми, строительными и транспортными организациями. Производство замыкалось в единый государственный агропромышленный комплекс. На региональном уровне в АПК объединялись все предприятия, связанные с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, с производством удобрений, сельхозтехники и пр. Создавались соответствующие структуры агропромышленных объединений. В ноябре 1985 г. высшей инстанцией стал Госагропром СССР, вобравший функции пяти союзных министерств. К середине 1980-х годов в агросфере экономики действовало 4,8 тыс. межхозяйственных предприятий. Однако агропромышленная интеграция не принесла ожидаемого эффекта. За счет дополнительных бюджетных ассигнований в 11-й пятилетке удалось преодолеть спад производства в сельском хозяйстве и даже обеспечить некоторый его рост по сравнению с 10-й. В целом же намеченных показателей достичь не удалось. Продуктов на “душу населения” в стране больше не становилось. Советский Союз был вынужден ввозить из-за рубежа все большее количество продовольствия. В 1976-1980 гг. импорт составлял 9,9% от уровня сельскохозяйственного производства страны, в 1980-18,1, в 1981-28,4%.

Стратегическая, длящаяся десятилетиями недооценка необходимости особо крупных вложений в сельское хозяйство “холодной страны” и быт крестьян обернулась проеданием нефтедолларов и отсутствием масштабных инноваций в высокотехнологичных отраслях хозяйства. А это имело в будущем роковые последствия. В целях ускорения развития сельского хозяйства в южных районах страны в начале 1980-х годов в СССР разработаны проекты переброски части стока северных рек на юг: сибирских — в Среднюю Азию, европейских — в Каспий через Волгу. Проекты широко обсуждались в правительстве, находили поддержку в южных регионах страны. Благодаря резкой критике общественности, прежде всего русских ученых (академики А. Л. Яншин, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков) и писателей (С. Залыгин, В. Белов, Ю. Бондарев, В. Распутин), правительство СССР своим решением от 14 августа 1986 г. прекратило осуществление экологически опасных проектов.

Социальная сфера

Противоречия индустриальной модернизации страны отражались и на социальной сфере. Социальная структура советского общества приобретала все более городской характер, что явно не соответствовало географической специфике страны. Численность населения городов выросла с 164 млн человек в 1979 г. до 180 в 1985 г., сельское население уменьшилось с 99 до 96 млн. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве с 1975 до 1985 г. выросла со 102 млн до 118,5 млн, число колхозников сократилось с 15 до 12,5 млн человек. Горожане составляли почти 2/3, в отдельных республиках и регионах до 3/4 населения. Однако его общий прирост происходил главным образом за счет высокой рождаемости в среднеазиатских республиках. Естественный прирост населения в 1986 г. составлял в России 0,68%, в то время как в Эстонии, Латвии он равнялся 0,40%, на Украине и в Литве — 0,44 и 0,66%, в Белоруссии и Грузии — 0,74 и 0,99%, в Молдавии — 1,30%, в Казахстане и Армении — 1,81 и 1,83%, в Азербайджане — 2,09%; а в Киргизстане и Туркменистане — 2,55 и 2,85%, в Узбекистане и Таджикистане — 3,08 и 3,52%.

Несмотря на официальный тезис об усилении социальной однородности общества, на деле усиливалась дифференциация в качестве и уровне жизни различных слоев населения. Доходы верхнего слоя, составлявшего около 2% населения, в 20-25 раз превосходили заработки низших слоев. По официальным данным на март 1986 г., 4,8% рабочих и служащих народного хозяйства СССР зарабатывали менее 80 рублей в месяц; 32,3% - 80-140; 29,5% - 140-200; 22,7% - 200-300; 9,5% - свыше 300 рублей. На рабочего в СССР в виде заработной платы приходилась все меньшая часть стоимости созданного им продукта. В 1971 г. доля зарплаты в чистой продукции промышленности составляла 58%, а в 1985 г. 36%. В середине 1980-х годов свыше 50 млн человек все еще были заняты на производстве неквалифицированным ручным трудом.

Уравнительные тенденции привели к падению престижа квалифицированного труда. Это имело тяжелые последствия, сдвигало в “тень” доходы, получаемые сверх официальной зарплаты. Росла прослойка врачей, помогавших больным за дополнительную плату; расширялись репетиторские услуги в сфере образования; в товарный оборот включался используемый гражданами жилищный фонд. Теневая экономика была связана и с чисто уголовной деятельностью, хищениями товаров и сырья, махинациями с отчетностью, изготовлением на государственных предприятиях и последующей продажей неучтенной продукции через государственную торговую сеть, с валютными операциями. По различным оценкам, к середине 1980-х годов в теневой сфере экономики было занято 15 млн человек. Ее объемы оценивались в 80 млрд рублей. В городах на долю этой экономики приходился ремонт 45% квартир, 40% автомобилей, 30% бытовой техники. На селе эта доля доходила до 80%.

Вместе с тем о позитивных сдвигах в развитии общества свидетельствовали многократный рост расходов на культуру; увеличение тиражей книг, периодических изданий; укрепление материальной базы СМИ. В 1970-е годы страна вступила в эпоху “телевизионной культуры”. Однако в целом доля государственных средств, выделяемых на социальные и образовательные нужды в условиях позднего “развитого социализма”, сокращалась. При Брежневе доля на просвещение в государственном бюджете была

меньше, чем даже перед войной, когда страна была гораздо беднее. Это происходило на фоне роста расходов на содержание бюрократических и управленческих структур. В конечном итоге 1960-1980-е годы были временем существенного повышения благосостояния народа. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих, занятых в 1970 г. в промышленности, равнялась 133,3 рубля в месяц, в сельском хозяйстве 100,9 рубля, она в 2,2 и 1,6 раза превышала прожиточный минимум. В 1985 г. зарплата выросла, соответственно, до 210,6 и 183,2 рублей, а в 1987 г. — до 221,9 и 200,1 рублей. Пенсия при максимальном трудовом стаже составляла 132 руб. Благосостояние граждан значительно улучшали дополнительные доходы из фонда общественного потребления и личные подсобные хозяйства. Съезды партии постоянно требовали усилить внимание к производству товаров потребления и обеспечить коренные сдвиги в качестве и количестве товаров и услуг для населения. Повышались денежные доходы населения, увеличивалась гарантированная заработная плата колхозников, оклады низкооплачиваемых слоев населения подтягивались к оплате среднеоплачиваемых. Однако в реальности эта политика приводила к тому, что нередко ущемленными в оплате труда оказывались специалисты высокой квалификации. Создавалась нелепая ситуация, когда в машиностроении и строительстве инженеры получали меньше, чем рабочие-сдельщики. Если в конце 1950-х годов инженерно-технические работники в целом получали на 70% больше, чем рабочие, то к середине 1980-х годов разрыв составил лишь 10%, что снижало престиж инженерной профессии и не способствовало развитию научно-технического прогресса.

Реальные доходы в расчете на душу населения в годы брежневского правления выросли в 2,5 раза. За 1965-1975 гг. — на 46%, в 1976-1980 гг. — еще на 18%, в 1981-1985 гг. — на 10%. На протяжении 1970-х годов в стране ежегодно вводилось более 100 млн кв. м жилья, что позволило улучшить жилищные условия более чем 107 млн человек. В 11-й пятилетке новое жилье получили еще 50 млн человек. В 1976-1980 гг. построено жилых домов площадью 527,3 млн кв. м, в 1981-1985 гг. — 552,2 млн. Городской жилищный фонд увеличился с 1867 млн кв. м в 1975 г. до 2561 млн в 1985 г. Это было огромное достижение.

Жизнеобеспечение людей в годы “развитого социализма” улучшалось в результате огромного по масштабам дорожного строительства. Эксплуатационная длина железных дорог Министерства путей сообщения СССР увеличилась с 125,8 тыс. км (конец 1960 г.) до 144,9 тыс. км в конце 1985 г. Длина автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием за это время возросла с 258 тыс. км до 812 тыс. км. К построенным в послевоенные годы метрополитенам в Ленинграде (1955) и Киеве (1960) во времена “застоя” прибавилось метро еще в 8 крупнейших городах — Тбилиси (1966), Баку (1967), Харькове (1972), Ташкенте (1977), Ереване (1981), Минске (1984), Горьком и Новосибирске (1985). Быт людей в городе в основном вышел на современный уровень и существенно улучшился на селе (главным образом за счет завершения его электрификации). Были сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение на долгую перспективу: созданы единые энергетические и транспортные системы, построена сеть птицефабрик, в основном решившая проблему белка в рационе питания. Громадные вложения в Сибирь и Урал, сделанные в 1960-1980-е годы, в принципе обеспечивали жизнь страны на многие десятилетия вперед. Судя по динамике множества показателей, СССР в 1965-1985 гг. находился в состоянии благополучия, несмотря на многие неурядицы, которые в принципе могли

быть устранены.

Советские люди пользовались бесплатным образованием, медицинским обслуживанием, государство несло большие расходы на содержание жилищного фонда. Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, в 1979 г., составляли 4,9 млрд рублей, а в 1985 г. 9,3 млрд. К концу 1970-х годов возросло или было стабильным потребление непродовольственных товаров и обеспечение товарами длительного пользования.

Розничные цены на основные потребительские товары не претерпели существенных изменений по сравнению с 1950-ми годами, увеличивались медленнее, чем заработная плата основной массы трудящихся. В целом ситуация в этом отношении в 1950-1980-е годы была куда как более выигрышной в сравнении с 1930-ми и 1940-ми годами.

С 1962 г. цены на продовольствие почти не менялись, за исключением рыбных и деликатесных товаров, шоколада, кофе, цитрусовых и винно-водочных изделий. В целом индекс государственных розничных цен на все товары повысился в 1984 г. по сравнению с 1965 г. на 11%. Повышение цен на продовольственные товары произошло главным образом за счет алкогольных напитков. Если это влияние исключить, то повышение цен на продовольствие составляло к 1965 г. 6%, а к 1980 г. — 2%.

Достигалось это во многом за счет дотаций государства по продаже продовольствия, главным образом мяса и молока. Впервые дотации появились в 1965 г. в сумме 3,6 млрд рублей и увеличивались в последующем почти на 4 млрд рублей в год, создавая известные “ножницы” цен и серьезные перекосы в экономике. В 1987 г. дотации составляли 57 млрд рублей. Рыночные цены на продукты питания в среднем в 2,5 раза превышали государственные розничные цены.

Поддержание заниженного уровня цен на продовольствие порождало дефицитность, спекуляцию, подрывало принцип социальной справедливости из-за разной доступности каждого покупать продукты по низким государственным розничным ценам. Например, население Москвы и ряда других крупных городов, лучше снабжавшихся мясомолочными продуктами, меньше тратило на покупку продовольствия, чем население других городов и районов, где эту продукцию можно было приобрести в основном в комиссионной торговле и на рынке по ценам в 2 и более раза выше государственных.

Несмотря на все эти перекосы и трудности, вплоть до середины 1980-х годов происходили благоприятные сдвиги в структуре питания населения: увеличилось потребление мяса, овощей, фруктов, ягод; сокращалось потребление хлебопродуктов, картофеля. В 1985 г. в расчете на душу населения в СССР потреблялось: мяса 61,7 (по РСФСР 67) кг, молока и молочных продуктов — 325 (по РСФСР 344) кг, яиц — 260 (по РСФСР 299) шт. (Соответствующие цифры по РФ на 1995 г. — 55, 253, 214.) В целом во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов в СССР поддерживалось благосостояние на уровне среднеразвитых стран, а по ряду показателей даже выше. К 1985 г. средняя калорийность питания в СССР составляла 3389 ккал, в США — 3652, ФРГ — 3567, Великобритании — 3316, Франции — 3156, Японии — 2916 ккал.

Сопоставление размеров заработной платы населения и цен на основные продукты питания показывает, что в 1913 г. на месячное жалованье среднестатистический россиянин мог приобрести 49 кг говядины, или 244 литра молока, или 220 кг хлеба. Во времена нэпа (1924-1927 гг.) — 90 кг мяса, 290 литров молока, 315 кг хлеба. В 1940 г. — 33 кг мяса, 147 литров молока, 170 кг хлеба. В 1960-е годы — 58 кг мяса, 290 литров молока, 237 кг хлеба. В 1980-е годы — 90 кг мяса, 500 литров молока, 500 кг хлеба. В

2002 г. — 20 кг говядины, или 135 литров молока, или 290 кг хлеба.

С начала 1970-х годов страна пошла по пути массовой автомобилизации населения (в 1970 г. на каждые сто семей приходилось два легковых автомобиля, в 1980 г. — 10, в 1985 г. — 15). Несмотря на то что она не шла в сравнение с зарубежными аналогами, ее последствия были значительными. Семейный автомобиль ломал многие стереотипы “советской цивилизации”, способствовал индивидуализации повседневной жизни, досуга. Со времени хрущевских “Новых Черемушек” жизненным ориентиром советского человека становятся отдельная квартира для семьи в противовес коммуналкам, и все расширяющееся приобретение бытовых товаров длительного пользования: холодильников, стиральных машин, радио- и видеоаппаратуры, мебели.

В 1970 г. 32 из каждых 100 семей имели телевизоры, в 1980 г. их число удвоилось, а в 1985 г. достигло 90. Достаточно образованное советское общество получало все больше информации не только о своей стране, но и о реальной жизни за рубежом. И эта возможность сравнения была зачастую не в пользу “благоденствия” при “развитом социализме”. При дефиците очень многих товаров и услуг в СССР радио, телевидение, видеопродукция, появившиеся в стране товары западного производства создавали впечатление, что общество “загнивающего капитализма” вовсе не знает, что такое дефицит. Практически не знала его и верхняя часть советской партийно-государственной “номенклатуры”, для которой еще со сталинских времен власть практически превратилась в синоним частной собственности.

Неблагоприятные тенденции общественного развития, скептическое отношение населения к официальной пропаганде стали причиной нараставшего отчуждения масс от творцов политики, усиления оппозиционных настроений в обществе. Постоянно давало о себе знать недовольство национальной политикой.